

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.

KKLS — Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.

YS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.

И. Б. Качинская

Московский государственный университет, Москва
kacza@rambler.ru

***Богоданные родители:* термины свойства в архангельских говорах**

1. При изучении терминов родства мы всегда оказываемся в поле пересечения этнографии, изучающей структуру родственных отношений, и лингвистики, изучающей их номинации. В разных культурах структура родства и термины родства соотносятся по-разному. В русской культуре это соотношение в целом достаточно однородно, хотя при сопоставлении древнерусских данных и сегодняшнего инвентаря «родственных» названий можно видеть утрату некоторых терминов кровного родства, связанных с номинацией боковых линий: в древности существовали особые термины для обозначения дяди по отцу и по матери, племянников со стороны сестры и брата и др. Уменьшилось и продолжает уменьшаться количество терминов свойства, определяемого через брак: с распадом «большой семьи» стали забываться значения терминов *деверь*, *золовка*, *свояченица*, *шурин* и др.

2. Термины, утраченные в литературном языке, продолжают функционировать в русских говорах. Можно предположить, что и в древности инвентарь терминов не был единым и различался по регионам. В архангельских говорах наиболее «экзотическими» терминами свойства являются *дедина*, *деенка*, *дейна* и др. ‘жена дяди’. Как «экзотические» воспринимаются и некоторые термины, имеющие синонимы, например, *свесь* ‘сестра жены’ («Свесь — это сестра жены. Что свояченицей, что свесь»).

3. При видимой строгости соответствия термина определенному месту в структуре родства наблюдается многозначность терминов.

© Качинская И. Б., 2015

В первую очередь это касается обозначений кровного родства, но распространяется не только на них. Так, *дедина* означает не только ‘жена дяди’, но и ‘жена родного брата’; *свесь* — не только ‘сестра жены’, но и ‘мать жены (невесты) в отношении к родителям мужа (жениха); сватья’: «Свесь — это мой сын да твоя дочь склались, да вот она свесь, родители твоим родителям сватья, отец зовёт тещу свесь» (т. е. мой муж зовет тещу своего сына *свесь*). В то же время встречаются термины, тяготеющие к однозначности: *свёкор*, *свекровь*, *тесть*, *тёща* и нек. др. Таким образом, в говорах сосуществуют две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, для обозначения определенного места в структуре родства может использоваться несколько разных терминов — иногда даже в пределах одного говора, с другой — происходит расширение семантики термина, когда он, наряду с протозначением, которое связано с одним определенным родственником, получает также и другое значение.

4. Основная тема доклада — анализ номинаций родителей жены и мужа и обращений к ним, т. е. речь пойдет главным образом о *свекрови* и *свёкре*, а также о *тёще* и *тесте*. Эти лексемы и их словообразовательные дериваты не выходят за рамки протозначений и практически не используются в качестве вокативов, за исключением слова *тёща*. Однако параллельно терминам с корнем *свек(о)р-/свёк(о)р-* для обозначения родителей жены и мужа регулярно используются термины кровного родства с протозначениями ‘мать’, ‘бабушка’, ‘тетя’ для *свекрови* и *тёщи*, ‘отец’, ‘дед’ для *свёкра* и *тестя*.

Для именования свекрови используется более десятка дериватов с корнем *свек(о)р-/свёкр-* (*свекорка*, *свекрова*, *свекровина*, *свекровка*, *свекровушка*, *свекровь*, *свекровья*, *свекруха*, *свекрушка*, *свекры*, *свёкра*, *свёкрушка*), более десятка дериватов с корнями *мам-/мат-* (*мама*, *мамаша*, *маменька*, *мамка*, *мамонька*, *мамушка*, *матенка*, *матенька*, *матерь*, *мати*, *матка*, *матушка*, *матушко*, *мать*), немногим менее десятка дериватов с корнем *баб-* (*баба*, *бабка*, *бабонька*, *бабулька*, *бабуля*, *бабуся*, *бабушка*, *бабушко*), иногда используются лексемы с корнем *тет-* (*тёта*, *тётенька*, *тётя*), а также дериваты с корнем *стар-* (*старая*, *старуха*, *старушка*).

Для номинации свёкра используется более десятка дериватов с корнем *свек(о)р-/свёк(о)р-* (*свекореюшко*, *свекорила*, *свекорило*, *свекорилушко*, *свекров*, *свекровушко*, *свекрошко*, *свёкор*, *свёкорка*,

свёкор, свёкр, свёкрушка, свёкрушко), а также корни, связанные в архангельских говорах с понятием «отец»: **батъ-** (*батька, батько, батюнька, батюшка, батюшко, батя*), **тат-/татъ-/тятъ-** (*тата, татка, татушка, татушко, татенька, татька, татя, тятенька, тятька, тятя*), **пап-** (*папа, папаша, папенька, папонька*), **отец-** (*отец*) и **дед-** (*дед, деда, дедка, дедко, дедо, дедушка, дедушко*). Кроме того, в числе обозначений свекра отмечена лексема *дединко*, а также дериваты с корнем **стар-** (*старик, старичонко, старой*).

Нередко термины кровного родства и свойства объединяются, в результате чего возникают сложные наименования. В обозначении свекрови это *бабка-свекровка, бабушка-свекровка, бабушка-свекровушка, бабушка-свекруха, маменька-свекрова, матушка-свекровушка, свекрова-матушка, свекровка-матушка*, а также *свекровушка-старушка, старуха-свекровка*; в обозначении свекра — *батюшка-свёкор, дедко свёкор, свёкор-батюшко, свёкор-дедка, свёкор-татенька, свёкр-батюшка*. Кроме того, для обозначения свекрови и свекра достаточно часто используются постоянные эпитеты-характеристики (как правило, в фольклоре): *лиха мать свекровушка, лихая свекровка, лютая свекрова* и *лют-свёкор, свекровка-воркотовка, свекровушка воркотливая* (долгозубая, зубатая).

5. При обращении к свекру, свекрови и тестю используются исключительно термины кровного родства. Употребление одних и тех же лексем в разных значениях (для наименования / обращения к матери и к некровной родственнице) порождает две разнонаправленные тенденции: одна из них — развести, разделить значения, используя для этого разные лексемы, другая — противоположная — заменить различие на новое сходство.

6. Достаточно часто однословный термин родства заменяется аналитическим. Чем дальше от центра (*мать, отец*) к периферии — боковому и нисходящему / восходящему родству (*племянники, внуки, деды*), тем чаще используются описательные словосочетания, сочетания-пояснения. Синтаксические модели, по которым они образованы, регулярны для всех типов родства, в том числе для кровного. При этом аналитическая форма используется и тогда, когда есть однословный термин. Для обозначения свекрови зафиксированы следующие аналитические формы: *батькова матка, дедку матери, дедушкова мама, мать мужичка, мать по мужу, мужа (мужика) матери (мама), мужикова*

матушка, мужова (мужья) мать и др.; для свекра: *дедов отец, дедко у мужика, мужиков дедко, мужиков отец, отец у дедка*.

7. Новые родители, в дом которых переходила молодая невестка, считались *сужеными* или *богоданными*: «Как хороша-то жирушка, богоданным родителям вековое поминаньице». Термин *богоданный* может использоваться и как субстантиват: «Раньше богоданных ведь уважали», «Немного жила с богоданныма». Мотивация *богоданных* родителей прозрачна: это «новые» родственники, «Богом данные»: «И муж — жених богоданный, есь богоданные родители да сё. Всё это от Бога пришло».

К. А. Климова

Московский государственный университет, Москва
kklimova@list.ru

Персонифицированный образ личной судьбы в новогреческом фольклоре и его лексическое выражение

Для обозначения судьбы в современном греческом языке используется большое число лексем: *μοίρα, τύχη, ριζικό, τυχερό, γραφτό, γραμμένο, πεπρωμένο, εμαρμένη, κismet*. Все они функционируют в самых разнообразных фольклорных тестах: от вербальных формул призывания судьбы в помощь при гадании до текстов новогреческих быличек и сказок. Эти лексемы могут выражать собственно отвлеченное значение ‘судьба’ или конкретное значение ‘счастливая судьба’, а также использоваться для обозначения персонифицированной судьбы, Судьбы как мифологического персонажа (МП), причем этот МП имеет два вида — Сúdьбы-Мойры, определяющие будущее новорожденного младенца, и персонифицированная Судьба конкретного человека. Настоящий доклад будет посвящен исследованию второго вида, образа «личной» судьбы человека.

Ф р а з е о л о г и я. Во фразеологических единицах новогреческого языка можно обнаружить косвенные указания на наличие у человека